

РЕЦЕНЗИИ. ИНФОРМАЦИЯ

П.В. АБРАМОВ, канд. филол. наук
Московский государственный
университет печати им. Ивана
Федорова

Свет личности

Рецензия посвящена книге о выдающемся отечественном педагоге, германисте и медиевисте Борисе Ивановиче Пуришеве (1903–1989), который на протяжении 60-летней работы в стенах старейшего Московского педагогического государственного университета (МПГУ) воспитал целую плеяду филологов – учёных и педагогов высшей школы.

Человеческая память – категория избирательная, прихотливая и непостоянная. Вне творческого коллектива роль памяти как одного из важнейших элементов культуры весьма незначительна, но среди единомышленников память творит чудеса.

На одной из старейших кафедр Москвы – кафедре всемирной литературы Московского педагогического государственного университета – издана книга¹, посвящённая 110-летию со дня рождения выдающегося русского литературоведа и педагога Бориса Ивановича Пуришева (1903–1989). В солнечные апрельские дни в главном корпусе филологического факультета на Пироговке, освящённом памятью этого легендарного медиевиста и германиста, состоялось представление книги в рамках ежегодных Пуришевских чтений, проводимых 25-й год подряд. В докладах и сообщениях М.И. Николы, В.Г. Зусмана, З.И. Кирнозе, В.А. Пронина, посвящённых памяти профессора, Б.И. Пуришев предстаёт живой многогранной личностью, «последним русским гуманистом», как называли его коллеги.

Сотрудники кафедры всемирной литературы МПГУ считают своим духовным достоянием научные и человеческие качества Учителя: доверительность, скромность, неторопливость, пристальное внимание к со-

беседнику, основательность научного подхода – всё то, что открывало в Б.И. Пуришеве истинного москвича – от манеры говорить до отношения к людям.

Открывают сборник «Воспоминания старого москвича» самого Бориса Ивановича. Этот текст, давно ставший библиографической редкостью², не только воссоздаёт перед нами духовно-нравственный климат довоенной Москвы, годы обучения автора в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова, но и передаёт неповторимо-неторопливую повествовательную манеру Пуришева-рассказчика. Образы педагогов: С.М. Соловьёва, М.Н. Розанова, А. Г. Рачинского, самого В.Я. Брюсова и многих других – предстают зримыми и ощутимыми. В этих воспоминаниях четко проглядывает неповторимая черта Пуришева-педагога – стремление к наглядности. Думается, именно это качество сформировало из него необыкновенного московеда и москволюба, пробудило интерес к древнерусской живописи и архитектуре, что впоследствии привело к совместному написанию с давним другом Б.В. Михайловским книги очерков по истории древнерусской монументальной живописи.

Наглядностью, доступностью и, как следствие, достоверностью отличались, по

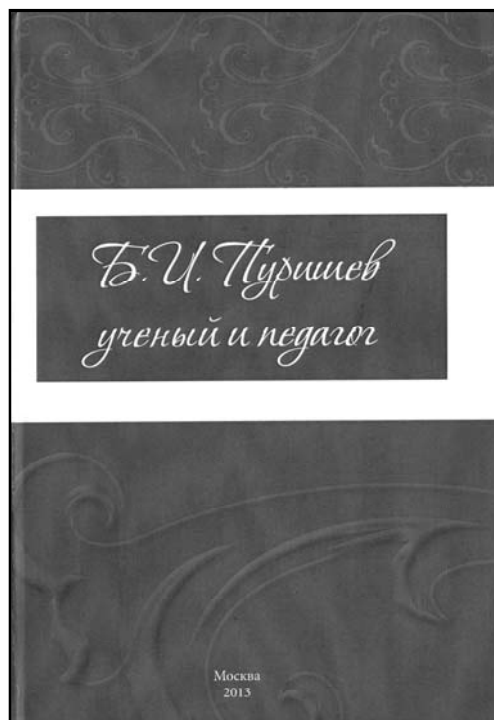
¹ Б.И. Пуришев – учитель и педагог // Под ред. В.Н. Ганина, М.И. Никола. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 312 с.

² Первое издание: Пуришев Б.И. Воспоминания старого москвича. – М.: Флинта; Наука, 1998.

воспоминаниям учеников, и его лекции: всё будто происходило «здесь и сейчас», в конкретный момент времени, наглядно, живо, образно. Приятный баритон профессора разливался по аудитории, повествуя о Парцифале Вольфрама Эшенбаха или разбирая озорные новеллы Боккаччо. Об этом ярко вспоминал известный переводчик А. Гинзбург, рассказывают на страницах книги ученики профессора З.И. Киризе, В.А. Пронин, многочисленные аспиранты: Н.М. Демурова, М.И. Никола, Г.И. Родина. Общение и диалог со студентами и аспирантами никогда не ограничивались только аудиторией. В заставленной книгами, типично московской квартире недалеко от метро «Сокол», где профессор жил с 1959 г., аспиранты собирались на Рождество и Новый год, летом гостили у него на даче в Переделкино, не говоря уже о многочасовых прогулках по старой Москве, путешествиях в древнерусские города, поездках в Коктебель, – везде Борис Иванович был со своими учениками, аспирантами, соискателями и, добавим, просто хорошими людьми, ибо это было «воспитанием человечностью», подобно сократовским диалогам, поскольку своего мнения Борис Иванович никогда не навязывал, внимательно выслушивая оппонента, уважая его суждения.

Широта и универсальность научного подхода учёного отразились в другом разделе книги, содержащем корпус статей из «Литературной энциклопедии», очерки по истории немецкой литературы, глубоко поэтичное описание «Троицы» Андрея Рублёва и лекции из курса по литературе Возрождения. Здесь во всей полноте проявился метод учёного-медиевиста, германиста и историка литературы – полидисциплинарный культурологический подход к освещаемой эпохе. Сопоставление литературы с живописью, скульптурой, а через них – с богатой и «бьющей через край жизнью» становилось не только особенностью лекций Бориса Ивановича, но и своеобразной манерой многих его учеников. В этой мак-

симальной наглядности просматривается и принцип Горация “*Ut pictura poesis*”, и стремление к осознанию диалогичности культур, и видение роли литературы и искусств как единого знакового пространства. Именно из этой зримости и наглядности проистекало недоверие Бориса Ивановича к любому абстрактному теоретизированию, стремление к простоте. «Эта простота на самом деле оказывалась для некоторых его слушателей слишком сложной», – пишет В.Г. Зусман в статье «Б.И. Пуришев – германист» (с. 245). Нередко студенты полагали, что и сами смогут рассказать так. «Это была иллюзия. Героем лекций Б.И. Пуришева было слово, но в каком-то смысле не его собственное, а слово “автора” и “слово эпохи”» (Там же). Со страниц книги «Литература эпохи Возрождения. Курс лекций» и доносится до нас тот самый живой голос эпохи, ясный и естественный. Остается только сожалеть, что уже давно и эта книга стала редкостью. Тесная взаимосвязь биографии автора (опять же, не сухо-догматиче-

ски, а с яркими эпизодами из жизни) с его творениями передавала подлинную жизнь человеческого духа, раскрывала писателя как живую личность, а не персонажа «литературных памятников». В статье Н.М. Демуровой читаем: «Недавно один из его учеников мне рассказал, что на его вопрос: “Что самое главное в жизни?” – Борис Иванович ответил: “Сама жизнь”» (с. 284).

Шестьдесят лет преподавания в стенах МПГУ (1929–1989) – это не просто жизнь, а целая эпоха, но... Борис Иванович не любил громких фраз. Как замечают в «Слове об учителе» редакторы-составители д. филол. н., проф. В.Н. Ганин и д. филол. н., проф. М.И. Никола, со временем образ человека «всё больше и больше обретает черты мифа и легенды для новых поколений исследователей <...> Вместе с тем в этом превращении Бориса Ивановича в светлый идеальный образ есть своя несправедливость. Он начинает заслонять его неизменную любовь к земной жизни, его умение жить по-ренессансному многогранно и его желание научить подобному образу жизни других людей».

Книга «Б.И. Пуришев – учёный и педагог» полностью оправдала своё предназначение: со страниц воспоминаний его учеников на нас смотрит личность, способная жить, чувствовать и любить. В статье «Последний русский гуманист...» М.И. Никола рассказывает: «Однажды я спросила Бориса Ивановича, а как он выбирает спутников в путешествия, особенно в свой любимый Коктебель. Он ответил: “По способности восхищаться!”» (с. 284) Это ещё одно удивительное качество педагога и человека, роднящее мировоззрение Бориса Ивановича с мировидением одного из его самых любимых авторов – И.В. Гёте. Много

лет профессор вёл семинары по «Фаусту», был автором большого количества статей, предисловий к романам и повестям великого писателя. Самые редкие публикации, что не может не радовать, тоже собраны под обложкой этого юбилейного издания. И так – восхищение, удивление, то, что открывает, по Гёте, путь к чистому познанию, даёт возможность глубоко постичь атмосферу произведения, динамику и психологию живых образов, а не «систему образов».

«Память – капризное дитя, все его игрушки поломаны», – заметил один английский писатель, но память жива, если она обретает жизнь среди людей ищущих, самоотверженных, способных к восхищению. Четверть века, неизменно в первые дни апреля, месяца, когда Бориса Ивановича не стало, проходят Пуришевские чтения: появляются новые молодые лица, вчерашние студенты становятся аспирантами, потом – учителями и профессорами. Жизнь продолжается. На пленарном заседании профессор В.Г. Зусман тихо спросил меня: «Как вы думаете, услышат и поймут ли заветы Бориса Ивановича молодые учёные?». Постарался ответить предельно честно: «Услышат и поймут, конечно, но сделают всё по-своему». Время меняется. В сфере гуманитарных наук – особенно жестоко и непоследовательно, новые поколения во многом бескомпромисснее, отважнее, смелее. И именно поэтому жизнь и творчество Б.И. Пуришева надолго останется нравственным маяком. Будем надеяться, что после ошибок и исканий многие вновь вернуться к этим воспоминаниям, очеркам и статьям, в которых, усилиями учеников, навсегда сохранился живой образ выдающегося педагога, добрый свет его личности.

